

КЛАССИК ВОЛОГОДСКОЙ ГЛУБИНИ



Василию Белову выпал незавидный писательский крест — жить в переходный период, когда интерес к настоящей литературе утратился почти полностью. Несмотря на широкую известность, на прочно вошедшее в русскую культуру и удерживаемое в ней уже третье десятилетие имя, последние годы Василий Белов в опале. И даже сегодня, когда центральные издательства вдруг вспомнили о серьезных Астафьеве и Распутине и начали спешно двигать в массы их трудно усваиваемые труды, их «третий писательский брат», Василий Белов, так и остается за обочиной издательских интересов. Уж слишком остры и порой злы были его высказывания о новой России и о тех, кто оказался повинен в ее обновлении.

Белов требует неторопливого, вдумчивого и душевного чтения, что сегодня могут себе позволить немногие. Главная трагедия Белова не в том, что он не нужен ни новым издательствам, ни новой власти, но в том, что он все еще остается нужен своему народу, но никак к нему не может пробиться, ведь читатели Белова сегодня книг не покупают, в Интернет не «входят» — да такие книги через Интернет и нечитаемы. И это трагедия не одного писателя, жизнь которого сегодня уподобляется подвижничеству, но трагедия всего нашего времени, в котором мы как-то вынуждены существовать.

Корр.: Василий Иванович, где вы сейчас живете?

В. Б.: Душа у меня — в деревне, а жена, книги и рукописи — в Вологде. Живу и там и там. А Москва меня пока кормит, хоть все скуднее и скуднее.

Корр.: А как сегодня поживает ваша Тимониха?

В. Б.: Ее уже нет, моей Тимонихи, — именно это и печалит. Судите сами, в 1923 году в Тимонихе было 23 дома, во время Великой Отечественной войны осталось уже 12, а сейчас только в двух домах живут постоянно две старухи. Судьба Тимонихи характерна для многих тысяч русских деревень, для всего русского Нечерноземья. Там, где со времен Даниила Заточника звучали песни и бегали ребятишки, дымилась трубы и мычали коровы, теперь одна трава да кусты.

Любая власть от Бога

Корр.: На ваш просвещенный взгляд, в чем кроются причины нынешнего кризиса?

В. Б.: Увы, в коллективном предательстве. Не заметила православная Русь гнусного предательства Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе. Как ловко эти безбожники использовали народное недовольство коммунистической властью, как ловко подсунили новую власть, ввергнувшую Россию под банкирское иго! Сегодня впору спросить, а в чем разница между властью, которая была раньше в стране, и новой властью банкиров? Если говорить о крестьянстве, то особой разницы нет. Хорошо еще, что хоть храмы открыли.

Корр.: Неужели не видно выхода?

В. Б.: Каждый человек знает, где выход, если, конечно, у него есть совесть. А совесть — понятие религиозное. Но беда в том, что русские люди глушат ее в себе, а потому страдают вдвойне. Что делать? Ответы давно известны. А кто не знает, пусть почитает «Наши задачи» Ильина или труды Солоневича, Чаянова.

Корр.: Вы верите в то, что при нынешнем президенте положение сможет измениться в лучшую сторону?

В. Б.: К сожалению, нет. Но я верю в слова наших старцев, которые говорили, что любая власть от Бога. При любой власти мы должны находить в себе силы жить по-человечески, точнее, по-божески.

Корр.: Вы были членом обкома партии, народным депутатом. Ваши публицистические статьи изобиловали размышлениями о политическом мироустройстве. Зачем вам, художнику, все это было нужно?

В. Б.: Не раз я давал себе зарок, что не буду ввязываться ни в какие политические события, но опять ввязывался — такой уж характер... Меня всегда волновали не повседневные политические стычки, а нравственные провалы, которые образовались в нашем народе в «эпоху президентов». Мне до сих пор непонятно, почему он такой податливый, наш народ? Почему он верит лживым газетам и циничным телеведущим? Миллионы людей каждый день смотрят на обманщиков и верят им.

Корр.: Вы неоднократно бывали в «горячих точках», в Приднестровье, Югославии. Опять же, зачем

крестьянскому писателю все это нужно?

В. Б.: В Приднестровье я опоздал, бои уже закончились, зато смог увидеть последствия войны: разрушенные дома, озлобленных людей. Почему-то так получается, что в нашей стране у власти обычно оказываются убийцы. А сербы — это народ, который вызывает восхищение своим мужеством, героизмом и стойкостью. Православные сербы всегда были друзьями России и считали, что именно Россия спасет мир на Балканах. Они уже много лет ждут помощи, но пока мы их только предаем. Наши правители не понимают стратегического значения Балкан, они делают вид, что там нам нечего делать. А между тем на Балканах решается судьба не только Европы, но и Азии, и бросать сербов на произвол судьбы великий грех, ведь это еще и наши братья во Христе.

Писатель сегодня должен быть подвижником

Корр.: Василий Иванович, куда исчезли настоящие русские писатели? Что-то их совсем не видно и не слышно?

В. Б.: Не знаю, может, кто-то еще и продолжает заниматься литературным трудом в новых условиях, но тогда это уже настоящее подвижничество. Ведь писательский труд стал никому не нужен. Прожить сегодня можно кому угодно — журналисту, политику, дворнику, но только не писателю.

Корр.: А вы что-нибудь сейчас пишете?

В. Б.: Я не считаю, что все время должен что-то писать. Но поскольку назвался груздем... В последние годы занимался в основном публицистикой, связанной с вопросами нравственности, то есть опять вынужден был стать журналистом. Я кормился журналистикой еще в молодости. Правда, журналистикой всегда тяготился, поэтому имел два пера, два кармана: один — для журналистики, второй, заветный — для повестей и рассказов. Сейчас все опять перевернулось с ног на голову. Под старость ельцинские реформы не одного меня обрели на каторжную журналистику. А в таких условиях вдохновение является редко, но иногда еще является. Сейчас пишу книгу о композиторе Валерии Александровиче Гаврiline для серии «ЖЗЛ». Она была уже готова, но пришлось снова все переписывать, а чем больше переписываешь, тем больше возникает вопросов — и в смысле биографии Гаврилина, и в смысле моих духовных достижений. Потому что я чувствую, как я меняюсь с каждым днем. И Господь

меня привел к осознанию своих ошибок, в том числе и ошибок в книге о Гаврiline.

Корр.: И все же еще несколько вопросов. Знаю, что не так давно вы еще написали документальную книгу о Шукшине. Почему вы решили сменить жанр?

В. Б.: Это произошло само собой. Что касается повести-воспоминания о Василии Шукшине «Тяжесть креста», я старался не приукрашивать Василия Макаровича, а показать его, что называется, крупным планом, открывая не только светлые, но и темные стороны его жизни и характера. Но при этом не пользоваться модным нынче принципом «все на продажу».

Вероятно, сегодня наступило время воспоминаний, документалистики, той же журналистики. Проза, которая требует осмысленного чтения, стала никому не нужна, и в то же время все нарасхват печатают интервью, в том числе и с писателями. Вы, наверно, не поверите, но если бы я соглашался, то мне пришлось бы давать интервью каждый день. Кто-то так и поступает. Тем и кормятся. Я так не могу. Мне хочется еще что-то по-настоящему полезное сделать.

Корр.: Вы не подсчитывали общий тираж ваших книг?

В. Б.: Я — нет, но жена как-то подсчитала, так мне даже страшно стало — понял, что в пору идти на исповедь. Раньше тиражи были жуткие — только на русском языке вышло более пятидесяти книг, примерно столько же за границей.

Корр.: А сегодня?

В. Б.: В прошлом году благодаря поддержке вологодской администрации вышел кирпичина в тысячу страниц, где я под одной обложкой собрал сразу три романа, которые писал более тридцати лет: «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый». Книга вышла тиражом всего в три тысячи, да и ту почти всю разослали по библиотекам, а так бы пылилась в книжных магазинах. Такова наша печальная действительность. Так что если бы не гонорары в толстых журналах, пришлось бы жить на одну пенсию, а ее мне не хватает даже на бензин для моей старенькой «Нивы», чтоб доехать до родной Тимонихи. Но жаловаться грех, я даже рад этому. Когда народ кругом нищенствует, жить в достатке и ездить на «мерседесе» — это по меньшей мере безнравственно.

Корр.: Когда-то вы подрабатывали и драматургией?

В. Б.: Я и сейчас был бы не прочь ею заняться, это же страшно интересно. Я считаю, что истинный писатель

должен уметь работать в любых жанрах. Но настоящая драматургия сегодня не востребована. А писать в стол я не умею.

Корр.: Василий Иванович, что, на ваш взгляд, отличает настоящую литературу от псевдолитературы?

В. Б.: Настоящая литература не пишется за один присест, она делается долго. А у нас сейчас все свелось к тому, чтобы как можно быстрее стать популярным. И тем не менее нынешнее состояние нашей литературы я считаю вполне нормальным, слишком много в нашей истории было ошибок, от которых нельзя освободиться просто так, без испулений, без жертв.

Корр.: Что вы сейчас читаете?

В. Б.: Читаю то, что требует неторопливого чтения. Сейчас читаю труды отца Игнатия Брянчанинова. Постоянно читаю Библию, причем на церковнославянском языке, специально для этого его и выучил. Многому учит меня язык наших предков, язык этот куда более точный, мускулистый, выразительный, чем нынешний. Еще читаю Симеона Нового Богослова и много взял полезного из него для своей новой книги о композиторе Гаврiline.

Перед каждой матерью я зомов встать на колени

Корр.: Какие женщины вам по душе?

В. Б.: Те, что нарожали много детей и стали хорошими матерями. Перед каждой такой матерью я готов встать на колени.

Корр.: Умеете ли вы прощать своих обидчиков?

В. Б.: За старых своих обидчиков молюсь сейчас, раньше этого не делал. Я вообще стараюсь молиться за врагов своих и недоброжелателей. Когда всплывает та или иная обида, прошу Господа: «Прости меня, грешного, что я вспомнил это». Я грешный человек, обиды помню долго. А нужно обиды прощать.

Корр.: Как-то я был на торжественной встрече, где благочинный вологодских церквей вручал вам награду за восстановление церкви в Тимонихе. Помните, тогда вы сказали, что в последние годы вас сильно испытывает бесщеславия. А как с этим дело обстоит сегодня?

В. Б.: Почти так же. Но я каждый день молюсь, утром и вечером. Меня спасают слова молитвы православной, особенно молитвы Святому Духу — Утешителю. А вот в храм я, грешный человек, почти не хожу. Слава Богу, что я хоть что-то еще делаю.